

Баба
-
Яга:
Древнее
зло

Alexy Romeo

Alexy Romeo

Баба - Яга: Древнее зло

«Автор»

2026

Romeo A.

Баба - Яга: Древнее зло / А. Ромео — «Автор», 2026

Баба - Яга - воплощения зла, дитя преисподней: в самой глубине Черного бора, где деревья сплелись в уродливые узлы, а мох пророс сквозь кости давно забытых путников, стоит избушка. Она не на курьих ножках - она на человеческих костях: тонкие берцовые кости служат опорами, ребра образуют стены, а вместо крыши - сплетение позвонков, покрытое слизью и ядовитыми грибами.

© Romeo A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Alexy Romeo

Баба - Яга: Древнее зло

Глава 1

Баба-Яга: Древнее зло.

Часть 1. Пропажи.

Глава 1. Первый пропавший.

1755 год. Есть деревня, которая расположена вдоль реки и окружена лесом из берёз.

Детей в деревне было много — от новорождённых до почти взрослых.

Как-то раз жарким летним днём девочка по имени Алёна пошла в лес за грибами и ягодами. Она не в первый раз ходила в лес и хорошо знала тропинки: у неё были свои места, где можно было набрать целую корзину грибов и ягод.

— Вань, я пойду схожу в лес за грибами и ягодами! Хорошо? — спросила Алёна у своего старшего брата Ивана.

Иван рубил дрова за своим домом. Он был единственным мужчиной в семье — отца не было. Мать не рассказывала, что с ним произошло. Ваня ничего не ответил.

— Хорошо? — спросила ещё раз Алёна, уже почти на ухо Ивану.

Стук — колун ударил по полену, и оно раскололось надвое. Вытирая пот со лба, Иван повернулся к сестре.

— А матушке кто помогать будет, м-м? — спросил Иван у Алёны.

— Мама сказала, что и сама справится со всеми работами. Она велела мне предупредить тебя, что я ухожу в лес, — ответила Алёна.

Ваня стоял, смотрел на неё и слушал. Он только хотел что-то сказать, как Алёна развернулась и побежала.

Ваня улыбнулся, повернулся, взял ещё один пень и разрубил его пополам. Он был спокоен, ведь в этом лесу поблизости не было диких зверей, и ничего страшного случиться не могло.

Алёна вприпрыжку с плетёной корзиной побежала в лес. Идёт между березняком молча, слушает, как щебечут птицы, и думает о своём. Она не заметила, как быстро и далеко вглубь ушла в лес и как стало тихо вокруг.

Она остановилась и поняла, что зашла слишком далеко. Алёна обернулась вокруг себя и осознала, что находится в совершенно незнакомом ей месте. Но, поскольку она не раз ходила в лес, она знала, как правильно возвращаться назад. Она развернулась и пошла обратно, проходя между берёзами.

Однако берёзы уже были не те: они росли не ровно вверх, а были кривыми. Какая-то расстилалась вдоль земли, потом устремлялась вверх; другая как будто её разорвали пополам прямо из земли.

Солнце скрылось за серыми облаками. Алёна поняла, что заблудилась в лесу. Паника и ужас охватили её. Дрожь пробежала по её молодому телу. Серость окутала лес. Её дыхание участилось — она не знала, что делать. Кричать ей не хотелось: она думала, что, если будет кричать, её услышит кто-то страшный — волк или медведь. Её широкие голубые глаза наполнились слезами. Целая корзина с грибами упала у её ног, и Алёна в панике побежала вперёд — уже просто от отчаяния и в надежде на то, что выбежит в свою деревню. Корзина, которая упала, была полна гнилых и червивых грибов.

В это время в деревне самая старая жительница сидела на улице на лавочке возле дома. Она почувствовала что-то: страх и тревога резко охватили её.

Бабушка повернулась к лесу. Лес находился в пяти домах от неё. Она смотрела туда — и, казалось, кроме неё, на улице никого не было. Сильный холодный ветер дошёл до неё, пронзив холодом до мурашек. Ветер принёс с собой страх, ужас леса. Что-то страшное появилось там — подсказывало её чутье. Она сильно перепугалась, быстро взяла свою трость и встала со скамейки. Перекрестившись и глядя в сторону леса, прошептала молитву, плюнула и поспешно пошла в дом.

Иван, который жил через дорогу, увидел всё, что сделала бабушка. Он стоял за забором, держась за него обеими руками. Иван повернул голову в сторону леса — именно туда ушла его младшая сестра Алёна. Он заметил, что её слишком долго нет.

Алёна всё бежала. С её головы слетел красный платок, обнажив длинную косу, которая начала путаться в сухих ветках берёз. Её сердце билось так сильно, что стук отдавался в ушах. Она не слышала, как хрустели ветки под её ногами.

Она резко остановилась, глубоко дыша. Ещё раз осмотрела местность. Теперь перед ней стояли мёртвые деревья берёз. Алёна решила крикнуть:

— Ау-у-у-у! — громко выкрикнула она и вслушалась, ожидая, что кто-нибудь откликнется в ответ.

Но эхо в лесу не отозвалось. Только она собралась крикнуть ещё раз, как её намерение прервал хруст веток. Она повернулась всем телом на звук. Сначала почувствовала облегчение и надежду: может, кто-то из деревни услышал её и идёт на помощь?

<Хруст> прозвучал с другой стороны. Она вновь повернулась на звук — и тут страх и неизвестность пронзили её насквозь. Сердце забилося так, будто готово было выскочить из груди.

Ещё один хруст — он был похож на то, как ломают большую ветку прямо у дерева. Через секунду раздался звук падения целого большого дерева. Алёна дёрнулась, не издав ни звука, чтобы её не услышали. Душа ушла в пятки. Ей стало так страшно, что она не могла сдвинуться с места. За доли секунды она подумала, что умрёт — что медведь растерзает её.

Хруст! Большая сухая ветка упала прямо перед ней. Она завизжала и бросилась вперёд. Пробежав пару метров, Алёна не заметила, как увязла в болотной трясине. Попыталась выбраться, но ноги завязли по колено.

Щёлканье зубов, хруст костей и непонятные шипящие слова — «*K'varth! D'rahn! ThuI'k!*» — донеслись до её ушей. Что-то кряхтело рядом с ней. Алёна была напугана до глубины души. Ей было страшно повернуть голову, чтобы посмотреть, кто или что находится там. Она едва двинула головой — меньше чем на сантиметр, — как вдруг взмыла вверх. Она даже пискнуть не успела. А следы, оставленные ею на болоте, медленно затягивались.

Иван проводил бабушку взглядом до её крыльца. Он медленно открыл калитку и пошёл в сторону леса. В душе у него была небольшая тревога. Он чувствовал что-то неладное и утешал себя: «Всё хорошо, не о чем беспокоиться. Алёна не раз ходила одна в лес, и подолгу её не было. Зверей всё равно нет. Всё будет хорошо!» — думал Иван, пока шёл к лесу.

Когда он зашёл в лес по той самой тропинке, по которой ходили все, в том числе и Алёна, то заметил, что тропинка заросла травой. Иван подумал, что это не может быть: этой тропинке много-много лет, она была протоптана до земли. Но он всё равно пошёл туда, где раньше проходила тропинка.

Через минуту, идя уже по траве, а не по тропинке, Иван увидел плетёную им корзину для Алёны: она лежала на боку, а из неё высыпались свежие чистые грибы. Он поднял корзину — пустую, без грибов. Испуганным и тревожным взглядом Иван огляделся в поисках сестры. Может, она где-то сидит, отдыхает или лежит в траве, спит? Не увидев её, Иван громко позвал:

— А-ЛЕ-НА! АУ! Алёна! Ты где?!

Вдали он увидел красный платок и подумал, что Алёна играет с ним в прятки. Иван поспешил к нему.

— Ах ты! В прятки со мной играешь?! Я думал, что ты... — прервался Иван.

Он увидел просто красный платок, который висел, зацепившись за ветку дерева.

День подходил к вечеру. Иван с тревогой и ужасом вернулся в деревню и пошёл домой.

— Мама! Алёна не приходила домой? — с тревогой спросил Иван.

— Нет! Не видела её! Что-то случилось, Вань? — встревожилась мать.

Иван, ничего не ответив, снова побежал в лес. Его глаза наполнялись слезами — он боялся за сестру: вдруг она заблудилась? Или, что ещё страшнее, её растерзал какой-то зверь? Или она попала в руки разбойников и они убили её?

Мать выбежала за ним следом:

— Стой, Иван! Расскажи, что случилось! — она бросила рубашку на пол — ту, которую стирала, — и добежала до Ивана, отчаянно звавшего Алёну.

Мама быстро поняла, в чём дело, и тоже стала звать девочку по имени. Люди собрались позади них: кто-то плакал, осознав, что случилось, кто-то просто стоял, не понимая, в чём дело.

— Надо пойти искать её! — сказал Иван.

Кто-то из мужиков позади ответил:

— Сейчас станет темно. Нет смысла искать её сегодня — это будет опасно для тебя, Иван.

Иван отступил от идеи идти искать её сейчас. Мама, переживая за свою дочь, обнимала Ивана, как бы намекая, что всё будет хорошо. Но сама она понимала, что шансы невелики.

Иван вместе с мамой вернулись домой, зажгли свечи и сели за стол.

— Давай, Вань, рассказывай, — попросила мама.

— Она сегодня утром отпросилась у меня в лес за грибами и ягодами. Ну, я и отпустил её. Что же могло произойти с ней? Она не раз ходила в лес... Я не знаю, мам! — сам себе задал вопрос и на него же ответил Иван. — Я нашёл корзину, брошенную на земле, и её красный платок.

Мама взяла платок. Дрожащими руками поднесла его к своим губам и заплакала. Она встала из-за стола, за которым они сидели, подошла к иконам и перекрестилась.

— Боже, спаси мою дочь! — произнесла мама.

В тот же вечер старейшины деревни и отец михаил собрались в церкви, в комнате отца Михаила. На большом деревянном столе стояла одна большая толстая свеча — она одна и освещала комнату.

Комната священника была небольшой: стол для еды и письма, одно окно, кровать. В углу стояли старые иконы.

Священник, отец Михаил, стоял лицом к иконам, держа руки за спиной. Он пристально смотрел на образа, о чём-то глубоко задумавшись. Старейшины молча сидели за столом.

Наконец один из них произнёс:

— Что делать будем? И как она могла пропасть? За всё моё время ни разу ни один из наших деревенских не пропадал. Странно это...

— Да-а... Жалко девочку, и мать её, и брата. Какое горе случилось, — сказал другой старейшина.

Их было трое: двоим исполнилось по семьдесят лет, а третьему было почти девяносто. Он считался самым уважаемым и мудрым человеком в деревне — к нему приходили за советом. И сейчас он сидел мрачнее всех, погружённый в тяжёлые думы.

— Что будем делать, Тимофей? — спросил один из старейшин, обращаясь к самому старшему.

— Это... может быть... Она, — отчётливо, с расстановкой ответил Тимофей.

Двое других встрепенулись — они не поняли, о ком речь.

— Кто «она»? — спросили сразу оба в один голос.

Тимофей нахмурил брови. Пламя свечи освещало его старое лицо, обрамлённое густой седой бородой.

— Это...

— Древняя ведьма! — перебил старика священник.

— Ведьма? — переспросил один из старейшин. — Ведьм нам ещё не хватало в нашей деревне!

— Да, ведьма, — продолжил отец Михаил. — Ей много сотен лет. Кто она и откуда взялась — никто не знает. По старым поверьям, она живёт в лесу. Крадёт людей, особенно детей, — для чего, никто не ведает. Последний раз такое случилось сто лет назад в другой деревне. А потом лес «отодвинулся» на три версты — будто поглотил деревню.

Я слышал, как приходит ведьма. Расскажу вам одну историю, которую когда-то довелось услышать.

Изба казалась обычной. Печь тихо потрескивала; на лавке спали младшие братья, а мать сидела у стола и не спала — прислушивалась. В углу, там, где стык брёвен, тень была гуще, чем положено. Она не просто не пропускала свет — она словно пожирала его.

Мать смотрела на эту тень и чувствовала, как по спине ползёт холод.

«Господи, помилуй...» — шептала она, сжимая в пальцах нательный крестик.

Тень шевельнулась. Не от движения снаружи, а сама по себе, будто внутри неё что-то ворочалось. Из темноты выступила нога — не человеческая. Кость, обтянутая сухой кожей, с длинными загнутыми когтями.

Ступня тяжело опустилась на половицу — и дерево под ней потемнело, будто обуглилось.

Затем появилась фигура: высокая, сгорбленная, в лохмотьях, пахнущих болотом и гнилью. Баба-Яга не шла — она вытекала из темноты, как смола из раны. Её лицо было наполовину скрыто тенью, но рот был виден: широкий, неестественно широкий, с зубами, похожими на осколки кости. Она наклонила голову, прислушиваясь.

— K'huir T'rosh... — прошипела она, и голос её звучал так, будто слова рождались не в горле, а где-то глубоко под землёй. — S'hishp!..

Мать вскочила, схватила кочергу и закричала:

— Вон! Прочь из моего дома!

Баба-Яга медленно подняла руку. На кончиках пальцев вспыхнули крошечные огоньки — не пламя, а что-то синее, холодное, как свет гнилушек.

— T'khush ip, — прошипела старуха. — D'rihp IS P'Oght.

И тут младшие братья на лавке зашевелились. Их глаза открылись, но в них не было сна — только пустота. Они встали, не глядя на мать, и пошли к Бабе-Яге.

Мать закричала. Но крик её утонул в тишине, которую принесла с собой старуха.

Тимофей сидел, по-прежнему нахмурив брови, почти без эмоций — словно слышал эту историю уже не раз. Остальные двое, с огромными испуганными глазами, застыли, будто истуканы, глядя на отца Михаила. Лица у них побелели, а волосы, казалось, встали дыбом — словно они воочию увидели ведьму.

— Но я не верю в это, — наконец произнёс отец Михаил. — Всё это сказки! — твёрдо добавил он

— Ладно! — твёрдо произнёс Тимофей. — Утро вечера мудренее. Завтра утром попробуем что-нибудь придумать. А сейчас расходимся по домам. И никому ничего не говорите. Поняли меня?! Особенно вы двое! — Тимофей пристально посмотрел на двух других старейшин.

Оба, как один, кивнули.

— Ну тогда расходимся, — утвердил Тимофей.

Первыми, в спешке, ушли те двое, что больше всех испугались. Следом за ними, не спеша, двинулся Тимофей. Проходя мимо отца Михаила, старейшина задержался и тихо спросил:

— Почему вы не верите?

— Я верю в силу молитвы и Божью защиту, — чётко и ясно ответил отец Михаил. — А эти «ведьмы» кажутся мне выдумкой. Зло есть, но оно духовное, а не в виде старух.

— А зря вы не верите, отец Михаил, — покачал головой Тимофей и, не дожидаясь ответа, пошёл прочь.

Глава 2. Страх растёт.

Ночь. После совета прошло четыре часа. Вся деревня спала. Стояла летняя тишина. Небо было чистым, и лишь одна луна светила очень ярко.

В одной из изб было темно, пахло квашеной капустой, дымом и чем-то непонятным.

Маленькая девочка Марфа лежала на полатах, сжавшись в комок, и старалась не дышать. Снизу доносились шёпот и хихиканье родителей. Это было похоже не на обычные разговоры перед сном, а на взрослые ночные беседы.

И вдруг — царапанье. Тихое, будто мышь скребётся. Только мыши не скребутся снаружи по стеклу.

Марфа повернула голову. За мутным окошком, вплотную к стеклу, было лицо. Не человеческое. Кожа — серая, в складках, как старая кора. Нос крючком, а глаза не имели зрачков: сплошная тьма, и в этой тьме что-то шевелилось. Лицо не моргало. Оно смотрело.

Потом раздался скрежет — будто когтем по дереву. Окно дрогнуло.

— Мама... — прошептала Марфа, и голос её оборвался.

Стекло пошло трещинами, как лёд на проруби. И сквозь эти трещины потянулся туман — чёрный, маслянистый, с запахом сырых костей и пепла. Он просачивался внутрь, стекал по стенам, собираясь в лужицу на полу.

А потом в проёме появилась рука — длинная, костлявая, с пальцами, изогнутыми, как корни старого дуба. Она медленно, нарочно медленно, потянулась к девочке.

«Не трогай...» — хотела крикнуть Марфа. Но крик застрял в груди, превратившись в тихий, жалкий всхлип.

Пальцы коснулись одеяла.

И в этот же миг внизу раздался грохот: отец бросился к окну с топором. Но когда он распахнул ставни, за ними никого не было. Только морозный воздух, острый, как лезвие, и на подоконнике — горсть седых волос да три чёрных пера. А на месте, где лежала Марфа, было пусто.

Когда отец Марфы увидел, что там никого нет, он тут же бросился на улицу. Выбежал на дорогу с топором, глубоко дыша; из его рта валил густой пар.

На долю секунды он чётко увидел, как кто-то или что-то пронеслось по небу в сторону леса. Отец быстро повернул голову в ту сторону. Лес шевелился, будто от очень сильного ветра — только ветра на самом деле не было.

Он медленно, не отводя взгляда от леса, сделал два шага. Потом резко повернул голову и побежал домой — убедиться, не показалось ли ему, что на месте, где лежала Марфа, больше никого нет. Но когда прибежал, понял: ему не показалось.

Отец зарыдал в голос, бросив топор на пол. А мать сидела в углу избы на кровати, поджав колени к груди, и смотрела в одну точку на полу, не шевелясь.

И меньше чем через минуту раздался душераздирающий крик, перемешанный с плачем:

— У-у-а-а-а!..

Это кричала женщина из соседнего дома. Отец Марфы, вытирая слёзы, выбежал на улицу, на сельскую дорогу. Он увидел, что женщина стоит на коленях, согнувшись, и рыдает.

— Кто-то украл моего мальчика! Моего маленького мальчика! — громко кричала она, не в силах сдержать рыдания.

На её крик собралась почти вся деревня. Люди приходили кто в чём, некоторые прихватили с собой свечи. Пришли Иван, отец Михаил, старейшина Тимофей.

— Я сам видел, как кто-то или что-то полетело в сторону леса! У меня тоже пропала дочка, Марфуша! — выходя к толпе, произнёс отец Марфы.

Жители деревни тут же зашептались между собой. Кто-то тихо сказал:

— Это ведьма из леса...

— Ведьма?.. Это была она? Да-да, я тоже кого-то видел... А я слышал странные звуки... — перешёптывались люди, оглядываясь по сторонам.

— Так! Пожалуйста, все успокойтесь! — крикнул отец Михаил, выступая из круга людей.

— Нет никакой ведьмы! Дети наверняка убежали гулять. Наверняка собрались в старой сарайке, сидят там и...

— Я сам лично слышал странные звуки у себя дома! — снова выкрикнул отец Марфы, голос его дрожал от горя и гнева.

— Вам могло показаться! — твёрдо ответил отец Михаил. Но у самого появился испуг в произошедшем.

Старейшина Тимофей тихо вышел к женщине, кричавшей о пропаже сына, и к отцу Марфы.

— Давайте попробуем сейчас хоть немного поискать. Может, и правда где-нибудь сидят, смеются над нами... Ну, мало ли, дети есть дети. Хорошо? — негромко, но твёрдо произнёс он.

Народ почти сразу согласился с его словами. У родителей, чьи дети пропали, в глазах затеплилась хоть и слабая, но надежда.

— Марфа! — громко позвал кто-то.

— Антип! — вторили другие.

Те, у кого тоже были дети, быстро разбежались по домам — проверить, все ли на месте, и накрепко закрыть окна и двери.

А Иван подошёл к старейшине Тимофею.

— Расскажите, пожалуйста, про ту ведьму, о которой все шепчутся...

— Нет никакой ведьмы, Иван, — сухо ответил Тимофей, не глядя на него. — Иди помогай искать Марфушу с Антипом.

— Моя сестра пропала в лесу! Она так и не вернулась! — голос Ивана дрожал, но в нём уже звенела злость. — Я знаю, что у вас был совет в церкви по этому поводу. Знаю, что в нашей деревне много лет никто не пропадал. Был один случай — заблудился мужик, да и тот пьяный был. А теперь сразу трое! Вы что, не видите, что творится?!

К нему подошёл отец Михаил и положил руку Ивану на плечо.

— Не горячись, Иван. Мы как раз думали, что нужно будет пойти в лес и поискать твою сестру. Обязательно найдём её. Наверняка она просто заблудилась. Сидит сейчас где-нибудь под кустом и ждёт, когда ты её найдёшь. Сама дорогу назад не может отыскать. А диких зверей поблизости у нас нет, так что всё будет хорошо. Иди, помогай.

Иван резким движением сбросил руку отца Михаила со своего плеча. С горькой, тяжёлой злобой он посмотрел на обоих — на старейшину и на священника, — а потом молча развернулся и ушёл куда-то в темноту, растворившись среди домов.

Спустя час бесплодных поисков люди начали расходиться. Ночь была тёмной, не у всех были с собой свечи или факелы, а бродить наугад по деревне и окрестным тропам становилось всё опаснее.

Несколько мужчин подошли к отцу Марфы:

— Мы попробуем поискать их с первыми лучами солнца. Сейчас ночью тяжело что-то разглядеть.

Отец Марфы лишь молча кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Кто-то помог дойти до дома обессиленной от слёз женщине.

Придя домой, отец Марфы, убитый горем и смятением, подошёл к полатам, где обычно спала дочь. Его взгляд снова упал на горсть седых волос и три чёрных пера, лежавших на полу. Он осторожно собрал их и убрал в маленькую деревянную шкатулку. Ему хотелось завтра показать это и священнику, и старейшине — доказать, что ему не померещилось, что за его дочерью приходило нечто настоящее, страшное и чужое. А жена его так и сидела, не шелохнувшись. Он сел за стол, уронил голову на скрещённые руки и тут же уснул — от бессилия, от горя.

Утро наступило быстро, будто и не было ночи. Он поднял голову и первым делом увидел жену: она всё так же сидела, в той же позе. Глаза у неё были открыты, но в них не было сна — только пустота.

Отец встал из-за стола, подошёл к ней и помахал рукой перед её лицом. Никакой реакции. Ни вздоха, ни движения.

Ничего не сказав, он взял шкатулку и вышел из избы. Шёл он шатаясь — от бессилия и от горя, которое гнуло плечи, как тяжёлый мешок. В груди у него твёрдо и холодно сидела уверенность: его дочь не заблудилась, не убежала играть. Её украли.

Дом Тимофея стоял рядом с церковью, и отец Марфы шёл туда, а потом собирался зайти и к отцу Михаилу. Но, подходя к дому старейшины, он увидел, что почти все мужчины деревни уже собрались у крыльца. Среди них был и отец Михаил.

Он ускорил шаг, почти побежал, сжимая шкатулку обеими руками. Кто-то из мужиков заметил его, отпихнул соседа, давая дорогу. Отец Марфы протолкнулся к Тимофею и протянул шкатулку:

— Вот... Это я нашёл в ту ночь, когда исчезла моя дочь.

Голос его сорвался. Глаза снова налились слезами, стали красными, будто обожжёнными. Он шмыгнул носом и вытер слёзы рукавом.

Тимофей открыл шкатулку. Внутри лежали седые волосы и чёрные перья. Но стоило дневному свету упасть на них, как волосы вдруг зашевелились и превратились в дождевых червей, а перья растаяли, обратившись в чёрную маслянистую жидкость.

Все мужики отшатнулись, отступили на безопасное расстояние и торопливо перекрестились.

Один из мужчин подошёл к отцу Марфы и тихо сказал:

— Мы искали их... Никого не нашли. Ни в деревне, ни за деревней. Прости, друг...

— О боже... — прошептал кто-то из толпы.

Тимофей выронил шкатулку. Она упала на землю, и тёмная жижа медленно вытекла из неё, впитываясь в сухую землю. Старейшина смотрел на это без надежды, с тяжёлым пониманием.

— Скрывать не буду, — произнёс Тимофей, обводя взглядом мужчин. — Страх прокатился по толпе, как волна. Люди переглядывались, сжимали кулаки, крестились.

— Её называют Баба-Яга, — продолжил Тимофей, и голос его звучал глухо, но твёрдо. — Не старуха — а сама смерть в обличье женщины. Ее кожа — серая, морщинистая, как у давно утонувшего трупа, местами покрытая чешуйками и лишайником. Впалые щеки обтянуты кожей, сквозь которую пропускают контуры черепа. Нос — крючковатый, острый, словно клюв хищной птицы, с ноздрями, из которых сочится черная слизь.

— Я так и знал! — раздался позади голос Ивана.

Старик Тимофей тяжело вздохнул:

— Да... Это может быть она.

— Мы должны сейчас же пойти и отыскать их! — Иван шагнул вперёд, голос его звенел, как натянутая струна. — Все, кто стоит здесь, пойдут со мной. Сейчас. Не будем ждать.

Мужчины застыли, будто окаменели. Лишь отец Марфы не дрогнул. По его взгляду было ясно: он готов, не раздумывая, идти в лес хоть сейчас, хоть в самое пекло.

У Антипа не было отца. Его мать, бледная, с дрожащими руками, подошла к одному из мужчин и тихо попросила:

— Пожалуйста... Поищите моего мальчика. Хоть кто-нибудь...

— Ну, тогда всё решено, — кивнул Тимофей, принимая на себя тяжесть этого решения. — Ты, ты и ты, — он указал на троих мужчин, — пойдёте в лес на поиски вместе с отцом Марфы и Иваном. Идите по домам, возьмите всё самое необходимое: топоры, вилы, верёвки, факелы. И не забудьте кресты и молитвы.

Трое мужчин, на которых пал выбор, переглянулись. Один из них нахмурился и тихо, но так, чтобы все слышали, проворчал:

— Почему я должен идти? У меня дома жена, дети. Я не хочу оставлять их без присмотра...

— Боишься? — ухмыльнулся другой, чуть прищурившись. — Ха-ха! Ну, если боишься, так и скажи. А мы пойдём. Детей чужих бросать нельзя.

— Отец Михаил, — повернулся к священнику отец Марфы, — вы можете провести мою жену? Она всю ночь просидела в углу, не шевельнувшись... Боюсь, что ей совсем худо.

— Конечно, — мягко ответил отец Михаил. — Я зайду к ней сразу после того, как провожу вас.

Спустя какое-то время четверо мужчин и Иван собрались на краю леса. Кто взял топор, кто — вилы, у всех были мешки с едой и водой. К ним подошли Тимофей и отец Михаил. Священник окропил каждого святой водой и перекрестил.

И они пошли в лес — друг за другом, цепочкой, осторожно ступая по земле, будто она могла в любой миг стать чужой.

Иван постоял немного, дождался, пока все пройдут вперёд, и пошёл последним. Перед тем как ступить под сень деревьев, он замер, вглядываясь в лесную чащу. Ему показалось, что деревья за одну ночь стали как будто ближе к деревне, будто лес подполз, придвинулся, занял лишнее пространство. Старая тропинка, по которой ходили годами, заросла высокой травой — будто её и не было никогда.

Ивану было страшно. Холод полз по спине, шептал: «Не ходи туда». Но он всё равно шагнул вперёд — ведь где-то там, в этой тишине, была Алёна. И он должен был её найти.

Глава 3. Лес не пускает.

Первые полчаса они шли друг за другом, протаптывая себе тропинку. На пути то и дело попадались сухие кусты — колючие, жёсткие, они будто нарочно цеплялись за одежду, не давая пройти. Эти кусты были повсюду: их нельзя было обойти, некуда свернуть. Никто не знал, куда нужно идти, — они просто шагали вперёд, вымотанные, едва переставляя ноги из-за колючек, что рвали рубахи и царапали руки.

Постепенно чаща расступилась, и они вышли в светлый лес, где росли одни берёзы, а под ногами лежала мягкая, невысокая трава. Мужчины остановились, чтобы оглядеться.

Вокруг всё выглядело мирно — обычный лес, не страшный и не чужой. Пели птицы, над травой кружились жуки, лёгкий ветерок шевелил листву.

— Мы идём в нужном направлении? — спросил один из мужиков, оглядываясь по сторонам. — Это не похоже на лес, где живёт ведьма... ну, или как её там называют — Баба-Яга.

То, что он сказал, казалось правдой. Ни у кого не было тягостного предчувствия, не бежали мурашки по коже, не сжималось сердце от страха. Даже у отца Марфы на душе немного отлегло: будто сама природа шептала, что здесь нет зла.

— Слышите? Ручей! — вдруг крикнул Иван и указал вперёд. — Давайте у него остановимся, передохнём да поедим.

Они подошли к ручью. Тот тёк по небольшому овражку, так близко, что, чтобы умыться, достаточно было протянуть руку. Солнце уже припекало вовсю, и все сильно устали.

Отец Марфы шагнул к воде, хотел зачерпнуть и умыться, но один из мужчин резко остановил его:

— Постой! А вдруг это ведьмина вода? Вдруг она отравлена?

— Сейчас и увидим, — твёрдо, хотя и не без внутренней дрожи, ответил отец девочки. Он протянул руку к воде, и в груди у него всё сжималось от сомнений. Его пальцы почти коснулись поверхности, и тут он заметил в прозрачной воде мальков. Лёгкая улыбка тронула его губы. Он с облегчением и настоящим удовольствием зачерпнул воды и умылся.

— Уф-ф! Хорошо! Холодная, освежает! — выдохнул он и стал умываться уже обеими руками, смывая с лица пыль и усталость.

Остальные тоже сбросили сумки и бросились к ручью — кто умываться, кто просто смочить разгорячённое лицо. Один из мужчин, не раздумывая, наклонился и сделал несколько жадных глотков.

Все замерли и уставились на него. Он тоже застыл, рука так и осталась у рта.

— Пить сомнительную воду в лесу — это уж чересчур, — усмехнулся Иван, поднимаясь с колен и направляясь к своей сумке.

— Да, ты прав, — кивнул отец Марфы и тоже пошёл к своей поклаже.

Остальные последовали за ними. Тот, кто пил воду, сначала не понял, что над ним подшутили, потом начал сплёвывать и вытирать рот.

— Да что тут такого? Вода чистая, прозрачная! Вон даже рыба плавает! — возмутился он.

— Всё в порядке, не сердись, — улыбнулся отец Марфы. — Просто осторожность лишней не бывает.

Мужчины расселись вокруг своих сумок и стали доставать еду.

— Эх... Ну вот! Из-за этих проклятых кустов сумка порвалась, и вся еда высыпалась. А я даже не почувствовал, — вздохнул один из них, разглядывая прореху.

— На, угощайся, — протянул ему свёрток Иван.

— Спасибо, Ваня, — тихо ответил мужчина, принимая угощение.

— Солнце высоко стоит. Значит, у нас ещё есть время идти дальше, — произнёс отец Марфы, поднимая взгляд к небу.

— Ладно, мужики, нам пора дальше идти, пока солнце не село, — сказал отец Марфы.

Они начали собирать свои вещи. Кто-то, не успев доест, в спешке тоже принялся собираться. Только один, у которого была порвана сумка, просто встал, отряхнулся и сказал:

— Я готов!

Когда все собрались, отец Марфы пошёл первым. Он перепрыгнул ручей, а следом за ним и остальные мужики. Последним шёл Иван. Отец Марфы и Иван шли молча, только трое мужиков разговаривали, смеялись и ругались. Они шли между берёзами, то ли прямо, то ли свернув — местность была незнакома никому из них.

спустя какое то время они опять наткнулись на густые кусты. кусты были не такие как раньше. пройдя через кусты.

Отец Марфы резко остановился, и в него чуть не врезались остальные.

— Смотрите, тропинка идёт! — сказал отец Марфы. Они вышли на тропинку, которая шла и слева, и справа.

— В какую сторону пойдём, кто знает? — спросил один из мужчин.

Все остальные стояли и молчали.

— Не знаю, — сказал отец Марфы. У всех в группе опять на душе стало тревожно. Пропала та лёгкость, которая была у ручья.

— Пойдёмте налево, — предложил Иван. И все старшие одобрили мысль младшего. Никто не сказав ни слова, пошли налево. Эта тропинка также шла через берёзы.

Через какое-то время Иван поднял голову. И его глаза ослепила яркая солнце. Оно как будто ещё пуще стало печь. Они все вымотались от жары и духоты в лесу. Не зная, сколько по времени они шли.

— Мужики, а вам не кажется, что мы идём уже полдня, а солнце как будто и не двинулось с места? — сказал Иван.

— Иван, ты уже устал и говоришь непонятно что. Как может солнце стоять на месте? — ответил один из мужиков. Иван промолчал. Он подумал, может, и правда ему показалось. Шли они молча, каждый погружённый в свои мысли. Берёзы вокруг становились всё более кривыми и уродливыми. Тропинка начала петлять, словно пытаясь запутать путников.

— Я устал! — сказал один из мужчин.

Отец Марфы с какой-то неприятной злобой повернулся и посмотрел на того, кто это сказал.

— И я устал! — добавил другой. — И я тоже! — присоединились остальные двое.

Только Иван промолчал.

— Хорошо! — недовольно произнёс отец Марфы.

Они нашли толстое поваленное дерево и сели на него отдыхать. Трое мужчин расположились на стволе: кто-то стал разминать уставшие стопы, кто-то просто сел, потому что ноги гудели от усталости. Нехотя сел и отец Марфы, облокотившись спиной на дерево. За ним присел Иван.

Отец Марфы тоже был сильно измотан. Погружённый в свои мысли, он не заметил, как закрыл глаза и уснул.

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь редким шелестом листьев да далёким птичьим пением. Солнце медленно клонилось к закату, бросая длинные тени на землю.

— Эй, мужики! Вставайте! Мы проспали весь день. Солнце скоро зайдёт! — громко произнёс Иван, трясая остальных за плечи.

Иван, который до этого не спал, тоже начал понемногу клониться к земле. Он аккуратно свернулся на боку и задремал, но вскоре проснулся от собственного толчка.

Отец Марфы резко открыл глаза. Его лицо исказила гримаса гнева. Он медленно поднялся, окидывая взглядом притихших спутников.

— Что, разомлели? Забыли, зачем пришли? — прорычал он, с трудом сдерживая ярость.

Остальные, помятые и сонные, начали подниматься. Кто-то потягивался, кто-то растирал затекшие конечности. Только Иван сохранял бодрость и собранность.

— Пора двигаться дальше, — решительно произнёс он. — До темноты нужно успеть пройти как можно больше.

Отец Марфы, всё ещё раздражённый, начал собирать свои вещи. Его движения были резкими, почти агрессивными.

— Давайте быстрее! — поторопил он остальных. — Время не ждёт.

Один из мужиков осмотрелся вокруг. Его взгляд стал пустым, будто он увидел что-то страшное. Он заметил волков, которые бродили вдалеке от них. — Уходим не спеша, что бы они на нас не заметили — сказал отец Марфы.

— Смотрите! — вдруг воскликнул один из мужчин, указывая на небо. — Солнце действительно почти село. Как мы могли проспать так долго?

Все замерли, вглядываясь в багровый диск, медленно погружающийся за деревья. Неестественно быстро наступил вечер.

— Не нравится мне это, — пробормотал Иван, доставая топор. — Слишком уж удачно мы проспали. Будто кто-то заставил нас.

Отец Марфы, нахмурившись, перекрестился:

— Довольно разговоров. Нужно идти. Пока совсем не стемнело.

Группа двинулась вперёд, теперь уже с большей настороженностью. Каждый шаг давался труднее, а лес вокруг словно становился гуще и неприветливее. Тропинка, прежде едва заметная, теперь будто петляла, уводя путников всё глубже в чащу.

— Держитесь вместе, — тихо приказал отец Марфы. — Не теряйте друг друга из виду.

В ответ раздалось негромкое согласие. Все понимали: впереди их ждёт что-то страшное, и только вместе у них есть шанс выжить. Они двинулись дальше по извилистой тропинке, которая словно играла с путниками, то огибая деревья, то разделяясь на две, чтобы вновь соединиться впереди. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, погружая лес в зловещие сумерки.

Внезапно раздался короткий шорох сухих листьев на земле, будто кто-то осторожно провёл по ним ногой. Отряд резко обернулся, в испуге застыв на месте. Их взгляды метались по тёмным очертаниям леса, пытаясь разглядеть угрозу.

В этот момент Ивану показалось, что он видит движение между деревьями — будто тени стали плотнее, приобрели очертания волков, готовящихся к прыжку. Но когда он присмотрелся внимательнее, тени словно растворились в сумраке.

Новый шорох раздался с противоположной стороны. Теперь уже все услышали его — приглушённый звук, от которого волосы встали дыбом. Мужчины повернулись как один, их сердца колотились так сильно, что, казалось, их стук слышен за километр.

Страх, какого они не испытывали никогда прежде, сковал их души ледяными тисками. Это был не просто страх перед дикими зверями или опасностью — это было нечто первобытное, глубинное, пробуждающее древние инстинкты.

— Бежим! — закричал отец Марфы, и его голос дрожал от напряжения.

Не сговариваясь, они бросились вперёд, продираясь через кусты. Острые ветки хлестали по лицам, рвали одежду, но никто не обращал на это внимания. Каждый шаг давался с трудом, будто сама земля сопротивлялась их бегству.

— ААААА!!! — раздался душераздирающий крик одного из мужчин.

Остальные продолжали бежать, не осмеливаясь остановиться и посмотреть, что случилось с их товарищем. Паника притупила чувство товарищества, превратив их в загнанных зверей.

Кусты, казалось, никогда не закончатся. Резкий порыв ветра пронёсся над лесом, и в этот момент яркая вспышка молнии озарила местность мертвенным светом. На мгновение стало видно, как деревья вокруг словно наклонились к земле, будто готовясь схватить беглецов.

Когда кусты наконец поредели, они остановились, тяжело дыша. Их сердца всё ещё колотились, а в ушах стоял звон.

— Что это было? И где один из наших?! — спросил один из мужиков, его голос дрожал.

Три последовательные вспышки молнии осветили жуткую картину перед ними: между деревьями, в нескольких шагах от них, висело тело несчастного.

Ветви деревьев опутали его руки и ноги, словно паутина. Сучья крепко держали жертву в воздухе, всего в полуметре от земли.

Рёбра несчастного были вывернуты наружу, образуя жуткую решётку. Через эту решётку путники могли видеть, как внутренности медленно вываливаются наружу, пачкая землю тёмными сгустками.

В этот момент небо прорезала первая молния, осветив страшную картину. На мгновение стало видно, как сучья деревьев медленно двигаются, словно живые пальцы, продолжая терзать тело.

Вторая молния ударила совсем близко, и в её свете стало отчётливо видно, как ветви тянут жертву в разные стороны, разрывая плоть.

Кровь стекала по стволам деревьев, капала на землю, смешиваясь с грязью.

Отец Марфы, застывший от ужаса, наконец смог выдавить из себя хриплое: — Бежим!

Но было поздно. Деревья вокруг зашевелились, словно пробуждаясь ото сна. Сучья потянулись к путникам, готовые схватить их так же, как схватили несчастного бедолагу.

— Господи, помилуй! — только и успел прошептать один из мужиков, прежде чем тьма поглотила его крик.

Мужчины застыли, парализованные ужасом. Они поняли, что столкнулись с чем-то куда более страшным, чем могли себе представить. И теперь они были не просто в опасности — они были обречены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.